

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ МАТЕРИНСТВА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛЮБВИ КАК ОСЕВАЯ ДОМИНАНТА СУБЪЕКТИВНОГО МАТЕРИНСКОГО МИФА

Сорокина Екатерина Николаевна

К.п.н., Институт Психологии Творчества
grinrys@yandex.ru

AMBIVALENCE OF MOTHERHOOD AND THE CONCEPT OF LOVE AS A PIVOTAL FEATURE OF THE SUBJECTIVE MATERNAL MYTH

E. Sorokina

Summary: Analysing the characteristics and formation of the subjective and objective maternal myth, the article shows that ambivalence is an integral part of various aspects and stages of motherhood and its formation. One of the most important features of the maternal myth is obligation in the concept of love for children. The article examines the attitudes of the subjective maternal myth regarding this "basic maternal obligation", namely, how women imagine what it means that "a mother should love her children". It demonstrates that the ambivalence of motherhood (and hence the internal conflict) appears in all types of understanding of mother's love. To help mothers, it is suggested that practitioners use the coaching approach, and consider the ambivalence of motherhood as a tool and source of resources for motherhood of a particular mother.

Keywords: motherhood, mothering, image of mother, archetypal image of mother, "beautiful" mother, "terrible" mother, "bad" mother, "good" mother, "good enough" mother, maternal myth.

Мы полагаем, что образ матери, представленный в культуре различных народов, несет как общие архетипические черты, так и отпечаток культурных различий, связанных с той или иной культурой. Образ матери является, следовательно, архетипическим элементом и, одновременно, – социально-психологическим фундаментом становления личности. Иными словами, на положительном образе матери держится и культура в целом (как на общемировом ее уровне, так и на уровне культуры отдельных народов), и внутренняя система представлений о себе и мире, свойственная каждому отдельному человеку.

Особое значение образ матери (женщины-матери) имеет для самих женщин. Формирование внутреннего образа желаемого материнства начинается в детстве и продолжается всю жизнь, проходя определенные этапы онтогенеза материнской сферы (Г.Г. Филиппова [14]) – от собственного раннего телесного опыта взаимодействия с матерью – до позднего "постматеринского" опыта наблюдения за материнством других женщин (собственной дочери, невестки, других родственниц и т.д.). Генезис внутреннего образа желаемого материнства - процесс, в

Аннотация: В ходе анализа характеристик субъективного и объективного материнского мифа и процесса его становления, в статье показывается наличие амбивалентности в различных его аспектах и этапах формирования материнства. В качестве одной из важнейших черт материнского мифа выделяется долженствование в представлении о любви к детям. В статье подробно рассматриваются установки субъективного материнского мифа относительно этого "основного материнского долженствования", то есть о том, как женщины представляют себе, что значит «мать должна любить детей». Показано, что амбивалентность материнства (а значит, и наличие внутреннего конфликта) присутствует в каждом из типов понимания материнской любви. Для помощи матерям предлагается практикам использовать коучинговый подход, а амбивалентность материнства рассматривать как инструмент и источник ресурсов для материнства конкретной женщины-матери.

Ключевые слова: материнство, материнствование, образ матери, архетипический образ матери, «прекрасная» мать, «ужасная» мать, «плохая» мать, «хорошая» мать, «достаточно хорошая» мать, материнский миф.

котором складывается собственная система представлений о том, что есть мать - как воспитатель, как женщина, как часть семьи и т.д.; что есть "достаточно хорошая мать", "прекрасная" и "ужасная" мать, и как женщина-мать воспринимает себя саму в материнской роли. Данную структуру мы назвали "материнским мифом".

В аналитической психологии Юнга на положительном полюсе архетипа Матери ("прекрасная мать") находятся магический авторитет феминности, мудрость и душевный подъем, любой полезный инстинкт или импульс, доброта, эмпатия и поддержка. На негативном полюсе ("ужасная мать") – "все тайное, скрытое, темное; пропавшее; мир мертвых; все, что пожирает, соблазняет и отравляет; все, что вызывает ужас и является неизбежным, как сама судьба" [18]. Термины "прекрасная" и "ужасная" мать, используемые в психологической работе с женщинами-матерями, несмотря на экспрессивность формулировок, видятся нам емкими, отражающими архетипический элемент материнского образа, а именно – его полюсов (крайне отрицательного и крайне положительного).

Отметим, что такая двойственность архетипа Матери неизбежно выражается как в социальных установках и представлениях о материнстве, так и в противоречивых чувствах, проживаемых каждой женщиной-матерью сегодня. Амбивалентность материнского образа вызывает порой глубокий внутренний конфликт женщины-матери, ее стремление к идеализации и попытке вытеснить негативные переживания, связанные с материнством. Амбивалентность материнства выражается и в том, что каждая мать - одновременно "прекрасная" и "ужасная": так, давая ребенку жизнь, она дает ему одновременно и смерть как неизбежную часть жизни и итог жизненного пути. Кроме того, принятие женщиной-матерью решения о сохранении или прерывании беременности - еще одно воплощение амбивалентности материнства.

Амбивалентность материнства, вместе с другими элементами представления о матери, существующими в обществе (от древности до современности), формируют нарративную структуру, которую мы назвали "материнским мифом". В нём мы выделяем "объективную" и "субъективную части", где первая - "социальный элемент": социально обусловленное представление о материнстве и материнствовании, существующее в обществе в тот или иной культурно-исторический период; а вторая - "индивидуальный элемент": субъективное представление женщины-матери о материнстве и материнствовании, сформированное под влиянием "объективного мифа", архетипического образа матери, семейного материнского мифа и онтогенеза материнской сферы самой женщины.

Сейчас пространство объективного материнского мифа в "нашей части света" (термин А. Шадринной [16]) характеризуется следующими чертами:

- миф о жертвенном материнстве (сохраненный с советских времён) в сочетании с современным прозападным мифом о "хорошем старте" ребёнка, ответственность за который также несёт мать;
- миф о безусловной ценности ребёнка в сравнении с ценностью мужчины (что выливается в конкурентность ребёнка с мужчиной и вытеснение мужчины из поля семейных отношений, а также в нарушение сепарационного процесса с ребёнком);
- миф о материнской вине как один из наиболее значительных материнских мифов современности;
- другие мифы.

Субъективный материнский миф каждой конкретной женщины складывается под влиянием как социальных факторов и ожиданий (филогенетический аспект), так и под влиянием онтогенеза материнской сферы, интернализации образа собственной матери и качества прохождения сепарационного процесса с ней, семейного (и родового) мифа о материнстве, личного опыта женщины-матери, пройденного в игровой деятельности, нянчании, становлении материнского отношения в период

беременности и взаимодействии со своими детьми.

Нередко субъективный материнский миф оказывается источником внутреннего конфликта женщины-матери, влияя как на качество её проживания своего опыта материнства, так и на характер взаимодействия с ребёнком. И то, и другое требует осознания, пересмотра, сознательного уточнения и адаптации субъективного материнского мифа к имеющимся условиям, в которых разворачивается материнский опыт конкретной женщины-матери в данный момент.

Актуальное обсуждение по проблеме внутреннего представления женщины о своем материнстве и о внешних социальных факторах, которые влияют на этот процесс, представлено в работах, посвященных психологии материнства (Г. Филиппова [14], И. Малькова, Л. Жедунова [7], Н. Мицюк [8] и др.), и отражающих историческую динамику представлений о материнстве в обществе (Ф. Арес [1], О. Подольская, М. Ремизова [10], Н. Пушкарёва [11], А. Шадринна [16], Ю. Градскова [19], Н. Черняева [15], Е. Жидкова [20], Т. Гурко [3]).

Говоря о том, что женщина формирует свое представление о собственном материнстве не только на основании принятых социальных норм, ожиданий и директив общества (в совокупности с индивидуальным опытом игры, нянчания и т.д.), но и на основании семейных и родовых материнских мифов, мы имеем в виду передаваемые ей со стороны женщин рода ожидания от материнства, матери и ребёнка, представления о материнстве и матери, наполненные, как правило, историями, проекциями, опытом и несостоявшимися ожиданиями мамы, бабушки, прабабушки и других женщин семейной родовой системы.

Здесь мы обращаемся и к трансгенерационным законам и механизмам передачи элементов опыта и подходов материнского отношения внутри родовой системы, которые оказывают влияние на субъективное переживание женщиной своего материнства. Как указывают Л.Г. Жедунова и Н.Н. Посысоев, межпоколенная передача семейного опыта выражается в трансляции семейного мифа, включающего в себя совокупность представлений членов данной семьи о ней самой. Эта трансляция актуализируется в кризисные моменты (социальные перемены, приход нового человека в семью) [4, с. 88]. Как мы видим, актуальное время изобилует переменами на всех уровнях общества, что обостряет, на фоне появления в семье детей, "фильтры разрешений и запретов" [4, с. 88], которые проявляются косвенно в виде определённых (часто не осознаваемых) чувств и эмоций.

Более того, учитывая череду сильных травматических потрясений XX века, затронувших, так или иначе, большую часть семей "нашей части света" (две мировые

войны, революция, гражданская война, голод, коллективизация, раскулачивание, доносы, репрессии, распад семей, где от детей требовали отречься от родителей - "врагов народа", массовое переселение народов, и т.д.), семейный миф часто несёт в себе много тяжёлых чувств, переплетений, не соответствующих текущему моменту времени установок. Так, ссылаясь на исследования Д. Шехтера, Ф. Рупперт описывает: "Травмированные родители с симптомами посттравматического стрессового расстройства передают травматические переживания, в ходе постоянной интеракции, своим детям посредством речи и поступков" [12, с. 84]. К аналогичным выводам приходит К. Бриш, который отмечает, что для детей особенно важна категория непроработанной травмы у человека, к которому ребёнок испытывает привязанность, так как здесь была выявлена межпоколенческая связь с дезорганизованным поведением привязанности у ребёнка [2, с. 106]. Кроме указанных механизмов трансгенерационного опыта, А.А. Шутценбергер вслед за исследованиями И. Бузормени-Надь указывает на важность лояльности группе, которая "находит резонанс и присутствует в каждом из членов семьи, с одной стороны, в виде обязанностей, учитывая их положение и роль, и, с другой стороны, в виде чувств по отношению к долгам и заслугам, своему личному стилю и своей манере соответствовать всему этому" [17, с. 65].

Таким образом, мы видим, что на субъективное переживание, нарратив о материнстве женщины-матери накладывается большой пласт опыта, в первую очередь, женщин её рода, часто, в нашей реальности, переживших неотгорёванные утраты, травматичный опыт материнства (нелегальные аборты, убийство близких, в том числе детей, родителей, мужей; сексуальное, физическое, эмоциональное насилие; героическое запредельное напряжение сил для выживания своего и детей и т.д.). Во многих случаях семейная история утеряна. Те, кто могли бы рассказать об этих событиях, умерли, так и не передав потомкам свои истории жизни (из страха или из-за непереносимости чувств или из соображений безопасности), архивные документы уничтожались и так далее. В итоге тяжёлая семейная история остается в виде неясных тревог, страхов, директив, подавленных чувств, существующих в поле семейной системы и актуализирующихся в период, когда женщина становится матерью.

Не менее важным оказывается также онтогенез материнской сферы самой женщины-матери. Г.Г. Филиппова [14] выделяет 5 этапов этого процесса, опыт каждого из которых закладывает то или иное представление женщины о себе в роли матери. Первым этапом оказывается взаимодействие с собственной матерью, вторым - развитие материнской сферы в игровой деятельности, третий этап - нянчанье, четвёртый - дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер, пятый - взаимодействие с собственным ребёнком.

Как мы видим из практики консультирования женщин-матерей актуального времени в рамках проекта "Интуитивное Материнство", у многих остаются те или иные пробелы на разных этапах формирования материнства. У части женщин были отстраненные, нарциссические, гиперопекающие или тревожные матери, взаимодействие с которыми часто закладывает травматический опыт собственного детства и желание "сделать все иначе" в опыте собственного материнства. Многие выросли, являясь единственным ребенком в семье, не имели не только полноценного опыта нянчанья, но впервые увидели младенца лишь в роддоме. В некоторых семьях игровая деятельность девочки-будущей матери рассматривалась как "лень", "бесмысленное занятие" и не поддерживалась, заменяясь развивающими занятиями, той или иной формой обучения либо хозяйственного труда. Как результат большинство женщин-матерей отмечают трудности в игре с ребенком, в эмоциональном взаимодействии с ним.

Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер бывает осложнена для некоторых женщин опытом инцестуозных отношений, изнасилования, искаженных подходов к сексуальному воспитанию, раннему сексуальному опыту и т.д. Всё это часто приводит к внутреннему расщеплению идеализированного образа "прекрасной" матери, которой женщина хотела бы быть, и "ужасной" матери, которой она себя считает, "не дотягивая" до завышенной планки собственного идеального материнского мифа, что приводит к глубокому внутреннему конфликту, снижению самооценки себя в роли матери, которая нередко является ведущей, а порой - и единственной идентификацией женщины, формирует устойчивое чувство вины, собственной "бракованности", "сломанности", наращивая внутреннее напряжение, приводящее к неизбежным эмоциональным срывам, ещё более убеждающим женщину, что она "ужасная" мать.

Итак, мы видим, что каждая конкретная женщина является носителем некоторой совокупности представлений, установок, программ, ожиданий, травм, опытов, определяющих, составляющих её личный миф о материнстве, о том, что такое быть "хорошей" матерью, и что значит быть "плохой" матерью. Часто эти установки носят противоречивый характер и остаются в латентном состоянии до появления собственных детей, но вызывают глубокий внутренний конфликт, когда наступает беременность и женщина начинает идентифицировать себя с ролью матери.

Сегодня мы видим беспрецедентный интерес со стороны женщин к вопросам воспитания, практикам материнства, психологическому и педагогическому знанию. Активно происходит развитие психологии материнства (Г. Филиппова [14], М. Мягкова [9], А. Шадрин

на [16], Е. Коннова [6]), все более активно развиваются разного рода помогающие практики, курсы, тренинги для матерей. Некоторые женщины в нашем обществе оставляют трудовую деятельность и погружаются в воспитание детей, вкладывая в это все навыки менеджмента, освоенные в профессиональном обучении, получают дополнительное образование в области детской психологии, в области педагогики, логопедии и отказываются от посещения ребенком детских учреждений, считая своим долгом дать ребенку “хороший старт”.

При этом, анализируя материнские интернет-сообщества, которые сегодня во множестве представлены во всех социальных сетях, мы видим, что женщина-мать часто испытывает тяжелые чувства: вину, чувство собственной материнской несостоятельности, страх допустить ошибку и причинить ребёнку вред или даже нанести психологическую травму.

Современное материнское сообщество представлено женщинами разных поколений, что отличает его от материнских сообществ прошлого. Репродуктивные технологии, общее улучшение качества медицины, новые социальные возможности, рост продолжительности жизни делают возможным рождение ребёнка не только в юности и ранней молодости. И сегодня мы видим, что в одной и той же группе детского сада возраст мам разнится от 18 до 45 и более лет, фактически ставя в одну позицию женщин, которые могли бы быть дочерью и матерью. Это также создает определенные сложности, ведь у представителей разных поколенческих групп “миф о материнстве” складывался весьма по-разному, под влиянием разных социальных условий и установок, под влиянием разных практик материнства со стороны их собственных матерей.

Иногда в сознании одной женщины сосуществуют и накладываются очень разные и противоречивые представления, вызывая постоянную тревогу о том, что “я могу что-то сделать не так”. Уровень самооценки женщины в роли матери бывает очень колеблющимся, порой заставляя её стремиться к внешней активной самопрезентации себя как “прекрасной” матери, за которой кроется её глубокая неуверенность в себе и тайное, глубоко эмигическое представление, что я “ужасная” мать. По нашим наблюдениям, достаточно часто подобный внутренний конфликт остается на бессознательном уровне и вытесняется женщиной, особенно, если она уже имеет устойчивую позитивную самоидентификацию в других областях: профессии, общественной, научной деятельности. В этом случае негативное представление о себе входит в противоречие с общим образом себя и переносится на ребенка (“Я прекрасная мать, если бы только мой ребёнок не был таким трудным, больным, неправильным”). Начинается борьба за “исправление ребёнка”, чтобы сохранить позитивный образ себя как “прекрасной” матери.

Мы намеренно вводим термин “прекрасная” и “ужасная” мать в противовес часто используемым “хорошая” и “плохая” мать, поскольку уровень доступности психологического знания для материнской среды сегодня очень высок и, более того, привлекателен. Это приводит к тому, что женщины, “начитавшись” специальной литературы, но не имея системной профессиональной подготовки, интерпретируют её достаточно своеобразно. Так, сегодня большое количество матерей прочли статьи об опасностях идеализации (“идеальное как неправильное, несуществующее”), о концепции “достаточно хорошей” матери, стараются избегать в своей семантике понятий “хороший” и “плохой”, ибо слышали, что это “неправильно”. Это, однако, не отменяет их внутреннего восприятия себя с позиций “хорошо-плохо”, но заставляет вытеснять это в область бессознательного. Поэтому мы опробовали в материнском сообществе проекта “Интуитивное Материнство” именно термины “прекрасная” и “ужасная” мать, что дало женщинам большее пространство для выражения своих истинных представлений и чувств, выводя, по сути, обсуждение материнства из сферы оценочной категоричности - в область образного восприятия, наиболее полно отражающего их внутренний миф о материнстве.

Мы наблюдаем в практической работе с женщинами-матерями актуального времени в рамках проекта “Интуитивное Материнство”, что бессознательное представление о материнстве, привычное отношение к материнству как к “святому долгу”, “жертве ради детей”, непременно “счастью материнства”, “долгу каждой женщины”, - выводит огромный массив “трудных чувств” женщины в область тени (“трудные чувства” – авторский термин). Женщина испытывает невыносимое давление, вину, ощущая раздражение, гнев, разочарование, бессилие, досаду, негодование, тоску, сожаление в своей повседневной практике материнства. Вытесненные чувства становятся триггерами для эмоциональных срывов, потери субъективного ощущения радости, счастья, удовлетворённости своим материнством и постепенно подводят женщину к эмоциональному выгоранию, разочарованию в себе, своём материнстве, а порой и в ребёнке, ставя под вопрос желание рожать ещё детей.

Размышляя о сути проявления “материнского мифа” в сознании каждой конкретной женщины, его субъективности и восприятию его как части собственной материнской самоидентификации, мы подошли к пониманию того, что он закладывается настолько рано (и преимущественно на бессознательном уровне), что зачастую не осознается женщиной как внешняя совокупность установок, но воспринимается как часть “само собой разумеющегося”, аксиоматичного. В этом плане материнский миф может быть достаточно ригидным, трудно поддающимся сознательному пересмотру.

Как показывает наш опыт работы с матерями, женщина нередко принимает достаточно легко новую идею о себе, о материнстве, но достаточно трудно интегрирует её на уровень эмоций, телесных реакций и ощущений. Так сознательно она может понимать, что должна заботиться не только о детях, но и о себе, что её состояние определяет качество выполнения ею материнских функций заботы, но каждый раз, оставляя ребёнка с кем-то и уделяя время себе, например, для принятия ванны, она может испытывать чувство дискомфорта, вины, ей трудно расслабиться и “эмоционально перезагрузиться”. Вместо этого она тревожно прислушивается к тому, как там ребёнок, не расстроен ли он её кратковременным отсутствием.

Описывая построение семейного мифа, Е.А. Клименко и С.В. Молчанов отмечают, что его можно рассматривать как некоторую систему утверждений, содержащих следующие черты: долженствование (предписание), свёрхообобщение и избирательность восприятия [5, с. 212]. На наш взгляд, теми же чертами обладает и субъективный материнский миф.

Как показывает наш опыт консультирования женщин-матерей актуального времени, большая часть из них проявляет избирательность восприятия, которая выражается в двойственности подхода к своему опыту и опыту других матерей, поведению своих детей и поведению других детей (например, капризное поведение чужого ребёнка воспринимается как усталость, с эмпатией, а своего ребёнка - как “ужасное поведение”, “он меня опозорил”, “только мой ребёнок так себя ведёт”). При обсуждении материнских амбивалентных чувств к ребёнку (любовь, радость - раздражение, злость), эмоциональных срывов, большинство женщин выражают позицию понимания причин, готовы сочувствовать другим женщинам, проживающим трудные чувства и выражающим их, но, в случае субъективного опыта, воспринимают их как проявление собственной материнской “профнепригодности”.

Рассматривая сферу долженствований относительно материнства, мы видим и можем сказать, что они строятся вокруг системы понятий “любовь”, “забота”, “счастье” (при этом все три, как правило, оказываются тесно связаны в сознании женщины), и, с одной стороны, являются отражением позитивного архетипа Матери, с другой - несут уникальные черты, представляющие совокупность социальных, семейных, личных установок, повлиявших на формирование субъективного материнского мифа женщины.

Рассмотрим наиболее частые долженствования, которые мы смогли выделить на основании консультационной работы с женщинами-матерями в рамках проекта “Интуитивное материнство” (репрезентативная выборка

участниц - замужние русскоговорящие женщины-матери в возрасте 24-48 лет, образованы, относятся к среднему классу, занимают активную позицию в плане саморазвития, проживают в разных странах мира).

Основной доминантой субъективного материнского мифа, совершенно закономерно, является представление о том, что мать должна любить своих детей. Все женщины нашей выборки включены в воспитание, развитие, заботу о своих детях. Некоторые посвятили себя материнству полностью, некоторые совмещают материнство и трудовую деятельность. Различия субъективного материнского мифа начинаются на уровне представления о том, что означает понятие “должна любить детей” (общее место того, “что есть мать”, основная архетипическая доминанта материнства).

Мы также должны отметить, что приведённое нами ниже описание типов долженствований носит скорее эмпирический (внутренний, переживаемый самой матерью) характер и проявляется, показывается женщиной-матерью только после выстраивания глубоких доверительных отношений с помогающим практиком. Если предложить таким матерям стандартные тесты материнского отношения, большинство из них, хорошо образованные в области психологии материнства, легко дают “хорошие”, “правильные” ответы, однако в личных беседах готовы поделиться глубинными переживаниями; многие отмечают рассогласование логики и чувств (“я знаю, что материнство предполагает разные эмоции, но когда я раздражаюсь на детей, я чувствую, что я недостаточно люблю их” и подобные).

На основании проведенного исследования мы можем выделить такие установки субъективного материнского мифа относительно “основного материнского долженствования” (“мать должна любить своих детей”):

1. Любовь = позитивные эмоции. Достаточно большое количество матерей представляет себе любовь только как эмоционально-позитивный спектр чувств. При этом для некоторых из них это требование является обязательным только по отношению к самой себе (“я не должна испытывать и, тем более, проявлять негативные чувства к ребёнку, иначе я “плохо” его люблю”). Многие также ощущают, что, если ребёнок испытывает к матери негативные чувства, значит она так “плохо любит” его, что он не чувствует достаточно её любви.
2. Любовь = героическое напряжение сил и жертва. Носители подобной конфигурации субъективного материнского мифа отмечают, что им трудно расслабиться, просто играть с ребёнком, получать удовольствие от проведённого совместно времени. Они ощущают необходимость как будто бы постоянно показывать, как много они делают для семьи, для детей, как вовлечены в материнство.

Часто они оставляют собственные потребности неудовлетворёнными, постоянно создавая ситуации стресса и преодоления (записать ребёнка на множество кружков, чтобы едва успевать на них; запланировать на день столько дел, чтобы было ощущение “некогда вздохнуть”; если ребёнок быстро сделал уроки, они сядут с ним “позаниматься дополнительно” и так далее).

3. Любовь = близость, которая часто трактуется как полное психоэмоциональное слияние, отсутствие границ, физическое участие и присутствие матери во всех делах ребёнка. Носительницы подобного субъективного материнского мифа выбирают практики материнства, подразумевающие длительное грудное вскармливание, совместный сон с ребёнком, семейные формы обучения. Как правило это является отражением незавершенно-сепарационного процесса самой матери, который также затормаживает и искажает сепарационный процесс ребёнка.
4. Любовь = спасать, обеспечивать безопасность (от отца – “он всё делает не так, груб, портит ребёнка”, от требований воспитателей и учителей – “он устаёт, они его не понимают, они слишком строги к нему”, от других детей – “вдруг его обидят”, негативных эмоций – “главное, чтобы не плакал, у него чувствительная нервная система”, жизненных трудностей – “я готова всё сделать, чтобы у него всё получалось”, от опасностей внешнего мира – “я буду следить за его соцсетями” и т.д.).
5. Любовь = деятельность. Носительница данного субъективного мифа материнства проявляет постоянную бурную активность: проверяет уроки, организовывает досуг, общение с другими детьми, разного рода развивающие и развлекающие активности, кормит, учит, лечит, “проговаривает чувства”. Ей трудно дать ребёнку пространство для проявления себя и самостоятельной деятельности. Она чувствует себя “ужасной” матерью, когда занята своими делами и “ничего не делает” с ребёнком или для ребёнка.
6. Любовь = “дети на первом месте”. Детоцентризм в такой семье нарушает законы иерархии, женщина часто ставит мужа на второе место в своей системе приоритетов, сама женщина зачастую оказывается на последнем месте по значимости своих интересов и потребностей. Это, как правило, приводит к инверсии ролей в семье, к нарушениям в системе привязанности, к постоянному напряжению и неудовлетворённости самой женщины-матери.
7. Любовь = требовательность, строгость. Такой тип материнского мифа сегодня встречается реже: как нам кажется, в силу того, что многие сегодняшние мамы сами были выращены именно в подобной модели, и теперь стараются сделать всё “от про-

тивного”. Вместе с тем, в некоторых семьях сохраняется подход, где любовь представляется системой требований, упреков, той или иной формой действий, призванных “искоренить” в ребёнке слабости, недостатки. Подобный тип отношения к материнской любви, как правило, соседствует с высоким уровнем тревожности и страхов за будущее ребёнка, которое рисуется скорее в негативных тонах (“вдруг станет таким же разгильдяем, как сын дальних знакомых”, “сейчас не начнёшь ругать с ничего не поймёт и будет неудачником в жизни”, “истерит в два года – вот и будет такой же истеричкой всю жизнь, замуж никто не возьмёт”).

8. Любовь = забота о “хорошем старте”. В этом случае все ставки и усилия направляются на раннее развитие, на усиленное образование ребёнка, зачастую без учёта его индивидуальных способностей и интересов, возрастных этапов развития. Порой слишком ранняя “гонка за результатом” приводит к потере мотивации ребёнком, что воспринимается мамой как неблагодарность, провал своей миссии материнства. Часто начинается длительная борьба за результаты, где мама несёт ответственность за все достижения, образовательные дела и успехи ребенка, а он “сдается под её натиском”. Часто в подобных парах также нарушаются сепарационные процессы между матерью и ребёнком, мамины потребности остаются хронически неудовлетворёнными, растёт эмоциональное выгорание матери, её уровень тревожности, а с ним – контроля.
9. Любовь = материальное обеспечение, “я должна дать ему всё самое лучшее”. Подобное отношение к любви как к материальным благам заставляет “ни в чём не отказывать” ребёнку и, рано или поздно, приводит к тому, что родители раздражаются бесконечности требований со стороны детей. Как правило, за подобным типом стоит эмоциональная зависимость матери и ожидание эмоциональной отдачи от ребёнка, что он будет “ценить”, “радоваться”, “будет благодарен”. Однако фактически ребёнок, воспитываемый под влиянием подобного материнского мифа, редко формирует эмпатию, ищет границы, имеет сниженную мотивацию, ибо всё дается без усилия и, в этом случае, не представляет собой ценности.
10. Любовь = свобода. При этом за понятием “свобода” часто стоит непонимание возрастных возможностей ребёнка ею распорядиться, непонимание баланса свободы и ответственности, свободы и необходимости. Часто природа ребёнка идеализируется, абсолютизируется, ей придаются некоторые сакральные смыслы, что, в итоге, приводит к тому, что ребёнок ощущает нехватку опоры, ищет отсутствующие границы, часто через негативное или опасное поведение, что формирует у ребёнка

стремление постоянно контролировать физическое местоположение, эмоциональное состояние матери. Данный тип отношения к любви также часто вызывает нарушения сепарационного процесса. Ребёнок, не напивавшийся близостью с матерью (которую она считает антиподом свободы, а, значит, - любви) не готов сепарироваться от неё. Подобное положение дел также рано или поздно приводит женщину к глубокому разочарованию и перегрузке от материнства.

Как видим, амбивалентность материнства (его “прекрасные” и “ужасные” стороны) представлена в каждом из типов понимания материнской любви, выделенных нами по итогам практического исследования. Так, например, “любовь как материальное обеспечение”, ориентированная на то, чтобы дать ребенку лучшее, имеет негативный (“ужасный”) аспект в виде эмоциональной зависимости матери, ожидания эмоциональной отдачи от ребёнка, что на практике может приводить к нарушениям сепарационного процесса матери и ребёнка. Подобные полярные, амбивалентные аспекты мы можем выделить и в других типах понимания материнской любви. По нашему мнению, материнская любовь – составляющая материнского мифа, в которой амбивалентность материнства (от “прекрасной” до “ужасной” его стороны) представлена особенно ярко.

Любовь как установка субъективного материнского мифа, отражённая, как мы видим, во множестве конкретных представлений о любви, может быть рассмотрена с точки зрения трансгенерационного подхода. Полагаем, что каждое из приведенных выше представлений о любви содержит в себе архаичный родовой компонент; построено на родовых ожиданиях от материнства как способа выживания рода и адаптации к внешним (социально-историческим) условиям. Перед помогающим практиком стоит задача не разрушения этого субъективного мифа, а приведения его в соответствие с актуальными социально-историческими реалиями, в которых живёт современная женщина-мать. Это невозможно сделать директивно, “раз и навсегда”; невозможно также сделать за женщину, “исправить” ошибки прошлого. Речь идет о том, чтобы научить женщину видеть описанные выше “архаичные”, “ретроспективные” установки ее собственного материнства во всей совокупности их достоинств и недостатков; оценивать их актуальность и

действенность с точки зрения обстоятельств и вызовов её нынешней жизни, а также – осознанно применять, в зависимости от контекста ситуации. При этом важно, чтобы женщина не попадала в эмоциональную зависимость, что, среди прочего негативно повлияет на сепарационный процесс матери и ребёнка [13, с. 124].

Мы полагаем, что описанный выше помогающий подход (научить женщину осознавать собственный материнский миф и оценивать его актуальность в текущих условиях, а также применять связанные с ним установки, разряжать ассоциированные с ним эмоциональные заряды в зависимости от характера нынешней жизненной ситуации и ситуации воспитания ребёнка), – не терапевтический, а коучинговый. Речь идет об активном подходе женщины-матери не только к воспитанию ребёнка и получению новых психолого-педагогических знаний, но и к использованию того “мифологического багажа”, которым она уже обладает. Мы предлагаем, осознавая его сильные и слабые стороны, дифференцировать подход к стилю воспитательного воздействия, исходя из конкретной ситуации.

Таким образом, амбивалентность материнства, его “прекрасные” и “ужасные” черты можно рассматривать как инструмент расширения палитры материнских возможностей. Типы любви, выделенные нами выше, также имеют амбивалентные стороны, каждую из которых мать, “носительница” того или иного типа любви, может осознавать и пользоваться ею как ресурсом, в зависимости от характера актуальной (социальной, педагогической, психологической) ситуации. Мы подчёркиваем, что среди перечисленных выше типов любви нет “девиантных”, “негативных”, как нет и чистых: разные типы любви могут сосуществовать (в разных комбинациях и в разной степени проявленности) в случае с одной женщиной-матерью.

Таким образом, амбивалентность материнства и представления о материнской любви (как осевая доминанта материнского мифа) рассматривается нами как источник ресурсов для материнства конкретной женщины-матери; это, учитывая заряженность полярных сторон материнского мифа (“прекрасная” и “ужасная” мать), даёт сильный психоэмоциональный заряд для решения конкретных задач в материнской повседневности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Я. Старцева, В. Бабинцев. – Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 1999. - 416 с.
2. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / Пер. с нем. - М.: Когито-Центр, 2014. - 316 с.
3. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 164 с.

4. Жедунова Л.Г., Посысов Н.Н. Роль семейного мифа в восприятии и интерпретации субъективно значимых событий // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – №4(26). – С. 86-90
5. Клименко Е.А., Молчанов С.В. Связь семейных мифов и иррациональных установок личности // От Истоков К Современности / Сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах. - 2015. - С. 212-214
6. Коннова Е.Л. Современные исследования в области психологии материнства // Учёные записки российского государственного социального университета. - 2013. - №2(114) - с.165-168
7. Малькова И.И., Жедунова Л.Г. Трансляция опыта как фактор формирования материнского отношения // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №3. – Том II (Психолого-педагогические науки). - С. 223-227.
8. Мицюк Н.А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях // Вестник ТГУ. Серия «История». – 2015. – №2. – С. 124-134
9. Мягкова М.А. Анализ основных теоретических подходов к изучению феномена материнства в зарубежной психологии // Наука и современность. – 2011. – №8-2. - С. 69-77
10. Подольская О.Б., Ремизова М.Н. Проблемы Материнства в современном социуме // Наука в центральной России. – 2013. - №5S. - С.47-53
11. Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси X-XVII вв. // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. – М.: РАН, 1996. - С. 211-341
12. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны. - М.: Институт консультирования и системных решений, 2014. - 264 с.
13. Сорокина Е.Н. Эмоциональная зависимость в материнстве и её влияние на сепарационный процесс с ребёнком // European Journal of Humanities and Social Sciences. - 2020. - №6. - С. 123-128
14. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учебное пособие для среднего профессионального образования / Г.Г. Филиппова. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. - 212 с.
15. Черняева Н. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми в эпоху индустриализации // Гендерные исследования. – 2004. – №12. – С.120-138
16. Шадрина А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. - М.: Новое литературное обозрение, 2017. - 392 с.
17. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. - М.: Психотерапия, 2020. - 254 с.
18. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. - К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
19. Gradszkova Yulia. Soviet People with Female Bodies: Performing Beauty & Maternity in Soviet Russia in the Mid 1930-1960s // Södertörn University College, Centre for Baltic and East European Studies. Doctoral thesis, monograph, 2007
20. Zhidkova Elena. Family, Divorce, and Comrade's Courts: Soviet Family and Public Organizations During the Thaw // And they lived happily ever after. Norms and every day practices of family and partnership in Russia and Central Europe/ Budapest; New York: Central European University Press, 2012.

© Сорокина Екатерина Николаевна (grinrys@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»